

О «человеке политическом»

Новый роман Даниила ГРАНИНА

Россиа. — 1995. — 25-31 янв. — с. 12

Юрий СВЕТОВ

«Россия» имела честь первой представить читателям главу из нового романа Даниила Гранина «Бегство в Россию». Полностью он опубликован в журнале «Новый мир» в №№ 7-9 за 1994 год. Стоит искренне пожалеть, что роман не появился года три-четы-

рем Бруком. Темы эти то звучат самостоятельно, то переплетаются и опять расходятся, но и после смерти Картоса слышится отзвук его судьбы в дальнейшей одинокой жизни Брука, побывавшего снова в родном Нью-Йорке. Разнится темп их движения во времени и пространстве, что особенно блестяще выписано по ходу их бегства по направлению к России

жизни которых она растворяется бесследно.

Герои романа при всем различии их темперамента, взглядов, направленности таланта едины в отказе от личного ради общего, больше ценят то, что за горизонтом, нежели каждый день своей неповторимой и единственной жизни. Они представляют столь распространенный в современном

мире тип

«человека политического», живущего в политике и только политической, хотя его прожизнь со своей судьбой, и иной им не дано — какие бы потом замечательные правители во главе России ни стояли и сколь бы прекрасным ни был будущий общественный строй.

Оттого впечатление от романа — оно сугубо личностное — что свобода человека начинается в душе и долг его прежде всего перед самим собой. Будет в нем это чувство долга за то, чтобы состоялась его собственная жизнь, значит будет долг и ответственность перед ближайшими и дальними, и перед страной, разумеется. Почему и стоит прочитать «Бегство в Россию», хотя с описанием технической стороны деятельности героев автор немного переборщил, порой нелегко читать и физику по образованию, написавшему это мнение о романе.

Зигмунд Фрейд — русская душа. Его родственники по материнской линии проживали в Литве, а бабушка была родом из Одессы. Гениальный философ Людвиг Витгенштейн числит своих предков по материнской линии из Одессы. Лауреат Гонкуровской премии Ромен Гари родом из литовского местечка. И даже предки Достоевского по материнской линии из белорусско-литовской губернии. Куда ни глянь, везде наши. Даже Кант жил в будущем Калининграде.

ре назад, когда был пик читательского интереса к событиям нашего недавнего прошлого. Сегодня многие россияне, погруженные в тяготы повседневного бытия, совершенно не хотят вглядываться в свое прошлое, а вкус к занимательным историям основательно попорчен второразрядными переводными детективами. И все же хочется порекомендовать прочитать этот роман именно сейчас, когда с новой силой звучит парадоксальность его названия, ибо кто только не твердит, будто за человеческим счастьем надо бежать из России, благо границы открыты на все четыре стороны.

История, рассказанная Граниным, о том, как приехали, вернее, с многими приложениями прибежали в СССР в послевоенные годы два американских ученых — или инженера, как они сами себя предпочитают называть, — удивительно музыкальна. На всем протяжении романа звучат темы двух похожих и непохожих судеб людей, родившихся и сформировавшихся в США: грека Андреа Костаса и еврея Джо Берта, ставших в СССР Андреем Георгиевичем Картосом и Иосифом Борисови-

(сразу возникают иллюзии и с Булгаковским «Бегом», и с «По направлению к Свану» Марселя Пруста).

Но, как бы ни были ярко окрашены эти индивидуальные линии судьбы, на них мощно и неукротимо накладывается лейттема — воля государства. Независимо от того, тоталитарный ли это СССР или демократические США, отчетливо желание власти диктовать, навязывать человеку свой вариант его судьбы. Гранин так описывает малые и большие события жизни своих героев, но, что естественно для русского писателя, с особенной болью, скакой-то обостренной личной ответственностью за невзгоды, обрушившиеся на Картоса и Брука именно у нас в стране, куда они с открытой душой принесли свои знания и талант и где поставили их, как говаривали прежде, на службу делу укрепления обороноспособности первого в мире социалистического государства. Оказывается, одинаково опасно вступать в игры с государством — и здесь, и там, особенно ежели сам с готовностью подчиняешь свою судьбу каким-то высшим целям, на пути дости-

жения которых она растворяется бесследно. Их ангажированность политической, способная изумить читателя молодого, достигает апогея в спорах о судьбе несчастных супругов Розенбергов, которых Картос и Брук знали лично. Жена Картоса Энн, оставившая в Америке мужа и детей ради любви к нему, убеждена, что Розенберги должны признать вину, дабы получить помилование и сохранить себя для детей. Иными категориями — высшими, государственными, мировыми, — но оттого не ставшими более человеческими, оперируют Андреа и Джо. Вероятно, они не могут иначе, тем самым предопределяя грустный финал собственных судеб — смерть Картоса в московской застенке в ожидании избрания в Академию наук (опять шаг из высших соображений) и одиночество Брука. Даже их научных трудов не найти в общедоступных изданиях, настолько они были засекреченными. Но и Энн, самый свободный человек в романе, помогавшая Андреа ускользнуть от ФБР и ЦРУ и не поддавшаяся напору КГБ, что-то надломилась в себе в этой борьбе с государствами по обе стороны океана, — итогом ста-